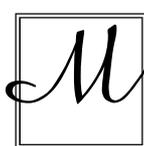

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1682 Г.

В статье рассматриваются идеологические концепты Московского восстания 1682 г., обусловленные сложным переплетением социальных интересов боярских группировок, московских стрельцов и посадского люда, их отношением к «истинной вере» раскольников. Автор исследует вопрос о сформированности в восстании идеологии московских стрельцов.

Ключевые слова: Московское восстание 1682 г., социальные интересы, московские стрельцы, идеология, «истинная вера», слухи.

Московское восстание 1682 г. вошло в историю как событие, ставшее результатом сплетения ожесточенной борьбы за власть боярских группировок и мощного антиправительственного выступления городских низов, получившее на определенном этапе окраску борьбы «за старую веру».

Отметим, в историографии не завершено исследование восстания 1682 г. в аспекте взаимовлияния идей его основных социальных сил: придворных группировок (социальных «верхов»); стрельцов, солдат, посадского люда (социальных «низов»); а также идеологического течения раскольников. Полагаем, идеологические позиции упомянутых сил и определили политико-идеологическую направленность восстания. Придворные группировки формировались по принципам семейно-родственных связей и отражали местнические противоречия и личные симпатии. Их борьба за власть проходила на фоне мощного недовольства стрельцов, которое и придало политической борьбе в столице особые черты. Привлекая ранее известные и новые исторические факты, обозначим собственную версию об идеологических концептах Московского восстания 1682 г.

Недовольство социальных «низов» сложившимися социальными, политическими и экономическими условиями проявилось в действиях, прежде всего, «приборных людей», имеющих свои особые интересы. Характерно, что стрельцы на определенном этапе отвернулись от холопов и продемонстрировали веру в «добрых», поставленных ими новых правителей. Достигнув успеха, стрельцы заявили, что возвращаются к своему «естественному состоянию» верных и покорных слуг трона [4, с. 420].

Причины и движущие силы восстания четко обозначились в конце апреля 1682 г. Исчезновение сильной царской власти, ослабление единства феодальной верхушки подвигли стрельцов на протест, а их недовольством воспользовалась «партия Софьи – Милославских». Противоположные интересы разных социальных сил совпали на время, создав неустойчивую ситуа-

* © Заплетин В.В., 2017

Заплетин Владимир Владимирович, аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, v.zapletin@yandex.ru.

цию. За событиями мая – июня 1682 г. просматривается острая политическая борьба дворцовых партий и «направляющая» функция дворцовых интриг в действиях и требованиях восставших стрельцов [6]. Так, 18 мая 1682 г. стрельцы добились избрания второго царя, а 23 мая они потребовали, чтобы Иван Алексеевич стал «первым» в этом дуумвирате. Через 3 дня, 26 мая требования стрельцов были окончательно утверждены Боярской думой с привлечением представителей московских дворян. Была принесена присяга обоим царям и состоялось их венчание. Были проведены новые пожалования в Боярскую думу и назначен ряд судей в приказы. Партия Нарышкиных, потеряв часть своих ставленников, в результате событий 15–17 мая лишилась прежней возможности управлять порядком ведения государственных дел. Но Нарышкины не были окончательно разгромлены. Их сторонники контролировали Боярскую думу и получили ряд приказов. С помощью Хованского, опасавшегося чрезмерного усиления Милославских, Нарышкины сохранили «своего» царя и его мать. «Партия» их противников также посадила «своего» царя на престол, усилила позиции в Думе. Но и ей не удалось полностью подчинить Боярскую думу и добиться преобладания среди судей приказов. Сомнительно, что эта последовательность политических действий была заранее продумана и приведена в исполнение взбунтовавшимися стрельцами.

В июне разгорается спор об «истинной вере». Для понимания идеологической функции этого спора определим социально-психологические установки важных его участников, стрельцов и раскольников, а также отношение к расколу борющихся дворцовых группировок.

В историографии этот вопрос частично изучен. Так, Н.Г. Устрялов главным фактором мятежа 1682 г. считал желание приборных людей исправить социальную несправедливость – устранить «никонианство» и сформировать «раскольническую демократию». Историк называет зачинателем выступления в защиту «старой веры» князя И.А. Хованского, исповедовавшего втайне раскол. Аналогичную точку зрения находим у А.П. Щапова и А.Н. Штрауха [25, с. 53; 28, с. 103–105, 299–300, 477; 29, с. 52; 27, с. 9, 15–43]. А.И. Журавлев видел причину единения стрельцов и расколоучителей в приверженности стрельцов к постоянным восстаниям [9, с. 61–62]. Митрополит Макарий, Н.И. Костомаров и К.Н. Плотников полагали, что всему виной было «невежество и легкомыслие» приборных людей, на которых смогли оказать воздействие «расколоучители» [14, с. 240–259; 12, с. 487–490; 18, с. 65–66]. Н.Я. Аристов видел причину союза стрельцов и старообрядцев в том, что они совместно боролись против «централизации» и «против наплыва несродных направлений, вливавшихся в русскую жизнь» [1, с. 64–99]. По мнению В.И. Буганова, агитация старообрядцев привела к успеху потому, что стрельцы примерно поровну состояли из сторонников и противников «никонианства» [4, с. 67, 129–178, 210–235]. Ранее Е.А. Белов пришел к выводу, что мятеж в мае был спровоцирован И.А. Хованским. Он же являлся руководителем движения и на втором этапе, когда в движение пришли лидеры старообрядцев [2, с. 126–140]. С.М. Соловьев отмечал, что защитить «старую веру» стрельцов побудили пришедшие «расколоучители» – сначала Сергей, а потом Никита [20, с. 259–279]. С.К. Богоявленский, глубоко изучавший события весны и лета 1682 г., тайным инициатором движения называет И.А. Хованского [3, с. 185–210]. Похожую точку зрения выражает П.К. Щебальский, полагая, что восставшими 15–17 мая руководила «партия

царевны Софьи», Хованский же, будучи «старовером», поднялся до лидера «раскольничьего мятежа», который ему помогли разжечь пришлые «раскольники» [30, с. 12–39, 54–60]. Много позднее развивает эту мысль В.Г. Карцов [11, с. 102–112]. Широко представлена и другая точка зрения: стрельцы были инициативными и самостоятельными участниками протеста вне связи с раскольниками. Так, И.Н. Харламов исходит из того, что «старообрядцы» пришли на зов стрельцов, которые после майского восстания сами поднялись за истинную «старую веру», но все-таки руководил челобитчиками Сергей [26, с. 1–3]. Соглашается с Харламовым П.Н. Милюков [16, с. 176–179]. Напротив, С.П. Мельгунов отмечает самостоятельность и осознанность защиты «старой веры» стрельцами, которая соотносилась в их сознании «со старыми идеалами политической вольности и социального равенства». Лидером выступления Мельгунов считает И.А. Хованского [15, с. 70, 83–85].

Уточним причинно-следственные связи событий. В «Житии» протопопа Аввакума указывается, что в 1660-х гг. стрельцы в Москве в борьбе со «староверами» фактически исполняли полицейскую роль [8, с. 29, 55–56, 308, 318]. Осужденных «священным собором» в 1667 г. Аввакума, попа Лазаря и старца Епифания везли под караулом «неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник». Алексей Михайлович направлял к Аввакуму стрелецкого голову Ю.П. Лутохина, чтобы уговорить заключенного отказаться от «старой веры». А в 1670 г. московский стрелецкий полуголова И.К. Елагин возглавлял в Пустозерске «казни» Аввакума, Федора, Лазаря и Епифания [8, с. 63–65, 322–323]. Но «староверия» придерживалась и определенная часть стрельцов в Москве. Так, О.Г. Усенко указывает на П. Макарьева и П. Ледушникову, отправленных в Кольский острог (не позднее января 1682 г.), где они проповедовали двоеперстие, а также отмечает тех, кто выступали за раскол втайне, а именно Алексея Юдина из Воробина полка – участника восстания 1682 г., стрельцов Титова (Ознобишина) полка. Именно они и развернули выступление в защиту «старой веры» [24, с. 27–45]. Но, вероятнее всего, большая часть столичных стрельцов поддерживала «никонианство». Важным является факт: церковный собор 1681 г., принявший программу борьбы с «расколом» в Москве, определил стрельцов как основную силу для расправы с раскольниками [14, с. 361–362; 20, с. 237]. Сомнительно, что к весне 1682 г. московские приборные люди делились на «никониан» и «староверов» чуть ли не пополам [3, с. 199; 4, с. 217; 19, с. 36]. Существенно и то, что после событий 5 июля все стрельцы, ходившие в «караул» (см. ниже), легко поддались на уговоры властей и пошли против «расколоучителей», а вскоре и вовсе отдали их в руки властей. Это, полагаем, является свидетельством того, что истинных старообрядцев среди стрельцов было немного, и в «Титовом полку» они не были большинством. К тому же если к патриарху как человеку повстанцы относились с подозрением, то в его авторитете как предстоятеля церкви никто не сомневался: придя к нему с «расколоучителями», «выборные» от стрельцов просили у Иоакима благословения. После казни Хованских стрельцы вновь просили у патриарха заступничества [24, с. 32]. Маловероятно, что, поднявшись на мятеж, московские стрельцы думали первоначально о восстановлении «старой веры».

Нелогично считать главным организатором мятежа князя И.А. Хованского: Хованские родственными и служебными узами были связаны со стрелецкими командирами, против которых первоначально и выступили стрельцы [13, с. 17]. «Партия Софьи» получила в союзники стрельцов лишь вслед-

ствие весьма важной причины – накануне прошли волнения с челобитьями из-за притеснений и поборов [20, с. 255; 25, с. 28; 30, с. 15, 20–21; 4, с. 137; 11, с. 102]. Трудно предположить, что у правящей элиты возник список будущих жертв восстания, получивший распространение среди стрельцов накануне их выступления [20, с. 260; 25, с. 28; 30, с. 22; 4, с. 142]. Скорее список появился как предвестник волнений. «Черные списки» на бумаге и в народной молве были важной предысторией социальных конфликтов в Российском государстве XVII–XVIII вв. [21, с. 10–12, 16]. События восстания 1682 г., по точному определению М.М. Галанова, явились «сложным переплетением в один клубок социального протеста приборных служилых людей и борьбы придворных группировок за власть» [7, с. 398–406].

Социальные протесты «низов», как правило, были стихийными и зачастую связаны с распространением слуха «измена». Этот слух овладевал массовым сознанием, когда власть имущие злоупотребляли своими полномочиями; шли на преступления против Бога (в народном понимании) и православной веры; против личности монарха; наносили ущерб интересам «государевой отчины» и простому люду. Распространенность слуха «измена» определяла социально-психологическую готовность народа выступить с оружием против «изменников». Недовольство стрельцов, страдавших от «обид» и притеснений со стороны «начальных людей», копилось долго, но вылилось в массовое выступление только после того, как у стрельцов появилась формальная возможность обосновать его опасениями «измены» при царском дворе [24, с. 33]. Приход Нарышкиных к власти и возведение на престол Петра в обход его старшего брата Ивана был нарушением традиции, «нарушал Божью волю», следовательно, означал «измену» всех, кто принимал участие в незаконном «деянии» [4, с. 98, 107–108]. Одновременно распространились слухи о том, что А.С. Матвеев с помощью немецких лекарей готовится отравить царскую семью, а Нарышкины затеяли «злое дело» против царевича Ивана [5, с. 37]. В службе самодержцу «законность» и «справедливость» были базовыми принципами [24, с. 30–31]. Их нарушение предопределяло по общинным традициям выступление «всем миром», чтобы уберечь царя, если он не мог защитить себя сам. Одновременно обязательными были и соблюдение указов «подлинного» монарха, и «сохранение порядка». Поэтому стрельцы после 17 мая 1682 г. боролись с грабежами. Они не стали помогать холопам, просившим об избавлении от кабалы. Напротив, стрельцы искали подателей такой челобитной и часть из них казнили. Тех же холопов, которые перешли в состав стрельцов, решили не выдавать [4, с. 180–181, 197–205]. Понятие справедливости включало ожидание награды от самодержца за стрелецкую верную службу. Так, спасая царевича Ивана от якобы неминуемой смерти, возведя его на царство, стрельцы и посадский люд в 1682 г. полагали, что они, разгромив «измену», помогли всему государству и достойны награды. Потому-то стрельцы добиваются выдачи имущества казненных «изменников», выплаты «заслуженных денег за 40 лет», увеличения жалованья, требуют возложить обязанность по сбору «стрелецкого хлеба» на посадских жителей [4, с. 182–183, 239]. Также стрельцы подали челобитную с требованием установить на Красной площади столб с указанием имен казненных «изменников», а также дать им жалованные грамоты с перечислением стрелецких прав и привилегий [5, с. 36–39].

Полагаем, в стремлении к правде и справедливости в их народном понимании следует искать социально-психологическое основание совмест-

ного выступления стрельцов и раскольников в защиту «старой веры». «Расколоучители» требовали прекратить преследования своих единоверцев. Стрельцы в поданной 6 июня челобитной требовали, чтобы без именных царских указов и «подлинного розыску их и всяких чинов людей никого бы в ссылки напрасно не ссылали и безвинно кнутом и батоги не били и не казнили» [4, с. 237]. Характерно, выступление в защиту «старой веры» началось в виде челобитья. В призывах «расколоучителей» звучал традиционный для участников социальных протестов в средневековой России мотив – «стать за дом пресвятой Богородицы и за православную веру» [24, с. 34–35]. Этот лозунг понимался по-разному: «расколоучители» его использовали для борьбы с «никонианством»; стрельцы свою истинную службу царю увидели и в том, чтобы окончательно разрешить спор о том, какая вера – «старая» или «новая» – истинна. Поэтому стрельцы поддержали идею раскольников о церковном диспуте [10, с. 116, 121, 147]. Массовость выступления в «защиту старой веры», полагаем, объясняется и тем, что стрельцы «положили заповедь» еще в апреле «стоять заодно» [4, с. 91]. Инициатива стрельцов Титова (Ознобишина) полка имела объяснение в староверческих настроениях жителей Гончарной слободы, давних намерениях Аввакума, Досифея, Сергия и др. провести диспут о вере с «никониянами» на глазах царского дома и народа. Эта инициатива была поддержана и другими полками [22, с. 97]. Вероятно, что ни И.А. Хованский, ни Никита Пустосвят не были зачинщиками этого выступления. И.А. Хованский сделал попытку руководить «расколоучителями» и стоящими за ними стрельцами. Он способствовал тому, чтобы «официальным руководителем» челобитчиков стал его старый знакомый Никита. Однако руководителем не был ни тот, ни другой [22, с. 95–97; 23, с. 386]. О связи Московского восстания 1682 г. с идеей возвращения к «старой вере» красноречиво говорит факт, упомянутый непосредственным участником событий С. Романовым. После кремлевской «при» (вероятно, 6 июля) царевна Софья вместе с патриархом собрала к себе от всех стрелецких полков «выборных» и заставила их пообещать покинуть «расколоучителей». Часть московских стрельцов возмутилась поведением своих выборных, некоторые «выборные» оказались в застенке. Но из Кремля пришло указание присылать ежедневно по вечерам от каждого полка по 100 стрельцов «на опасный караул» в Кремль. Этим присыльным щедро «жаловали» пивом и медом, упрашивали отстать от «расколоучителей». Действия эти возымели успех: прибывшие «из караула» стрельцы повели себя агрессивно по отношению к «правоверным». «На другой день, – сообщает С. Романов, – также по сту человек перепоили, также и на третий день, да и все полки так перебрали». В итоге стрельцы не только «повинные принесли за руками», но и отрядили 100 человек для поимки «отцов». Никиту «оставили на Лыкове дворе за караулом», а «остальных рассадили порознь по темницам на патриаршем дворе» [10, с. 146–148]. Вскоре Никиту Пустосвята отдали «церковному суду» и казнили, а иных «отцов» не позднее конца июля разослали по монастырям [24, с. 43–45].

Подробно рассмотрев логику событий восстания 1682 г., сформулируем его основные идеологические концепты.

Стрельцы, поддержанные солдатами и частью посадского люда, стремясь ослабить гнет, добиться льгот и послаблений от царского дома, наказать виновных в своих бедах – полковников и «начальных» людей, выступили в восстании 1682 г. как вполне самостоятельная социальная сила. Однако движе-

ние трудно характеризовать как антифеодальное и антикрепостническое по содержанию и форме, так как в ходе мятежа не могли быть и не были обозначены политические требования об изменении характера и формы власти, отношений собственности. Восставшие стремились лишь провести «во власть» «добрых» бояр, защитить от «измены» престол. Осознанный социально-классовый и политический интерес стрельцы, солдаты и посадский люд в ходе восстания 1682 г. не продемонстрировали – ни в требованиях, ни в действиях.

Увлечение идеей возвращения «старой веры» в среде восставших явилось результатом сложного переплетения обстоятельств, социальных ожиданий и социально-психологических установок. Стояние «за веру», «правду» и «справедливость» являлось на протяжении веков характерной чертой идеологии народных движений в России как проявление своеобразия российского менталитета. Массовость стрелецкого выступления «за веру» на коротком этапе восстания, вероятно, объясняется применением нормы стрелецкого самоуправления – «стоять заодно». Самыми идейными участниками мятежа выступили раскольники. Они же и пострадали за свою идею. Стрельцы, получив обещание от «партии Софьи – Милославских» о социальных послаблениях – подачках, не только отказались в лице выборных от «расколуучителей», но и прямо предали своих недавних союзников.

Политические интересы и интриги дворцовых группировок явились «приводным ремнем» восстания. Объективная готовность к социальному протесту стрельцов использовалась партией «Софьи – Милославских – Хованских», чтобы одержать верх в борьбе за престол. Существовала диалектическая взаимосвязь интересов двух важных социально-политических сил мятежа: социальных «низов» – стрельцов, солдат и посадских людей; и «верхов» – «дворцовой партии». «Дворцовая партия», внутри которой боролись противоречивые частные интересы, предопределила дальнейшее противостояние социальных сил мятежа в августе-сентябре.

В событиях 1682 года были удачно использованы технологии манипуляций массовым сознанием. Все участники и, прежде всего, Софья – Милославские – Хованские широко использовали слухи, изветные письма – дезинформацию и «черный» пиар XVII в. Борьба дворцовых группировок за престол стала важным субъективным фактором восстания, но явно недостаточным, чтобы социальный протест «низов» получил идеологическое оформление антифеодального и антикрепостнического народного выступления. Свой социально-классовый, политический интерес социальные «низы» в полной мере не осознали и не сформулировали. Восстание явилось мощным выступлением против социального гнета и получило по воле обстоятельств, в силу российской ментальности и социально-психологической специфики исторического момента окраску движения «за правду», «справедливость», «против измены», а на коротком этапе – «за истинную веру» в их народном понимании.

Библиографический список

1. Аристов Н.Я. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871.
2. Белов Е.А. Московские смуты в конце XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 249.

3. Богоявленский С.К. Хованщина // Исторические записки. 1941. Т. 10.
4. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
5. Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976.
6. Галанов М.М. Политическая борьба в России в 1682 году: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2000.
7. Галанов М.М. К вопросу о социальной сущности стрелецкого восстания 1682 года // Русское средневековье: сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012.
8. Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения. М., 1991.
9. Журавлев А.И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем. М., 1890.
10. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т.5. М., 1863.
11. Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Ч.1. Калинин, 1971.
12. Костомаров Н.И. История раскола у раскольников // Вестник Европы. 1871. № 4.
13. Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.
14. Макарий [Булгаков], митрополит Московский. История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1889.
15. Мельгунов С.П. Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. М., 1922.
16. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Вып. 1. Ч. 3. СПб., 1903.
17. Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1983.
18. Плотников К.Н. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1914.
19. Рогов А.И. Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII в. // Вопросы истории. 1973. № 4.
20. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. (Т. 13–14). М., 1962.
21. Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Ч. 2. Тверь, 1995.
22. Усенко О.Г. Стрельцы и раскольники летом 1682 г. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 1990. № 2.
23. Усенко О.Г. О челобитных в защиту «старой веры» (лето 1682 г.) // ТОДРЛ. Т.51. СПб., 1999.
24. Усенко О.Г. Спорные вопросы истории Московской «Замятни» 1682 года // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. 2008. Вып. 2. № 19 (79).
25. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т.1. СПб., 1858.
26. Харламов И.Н. Идеализаторы раскола // Дело. 1881. № 9. Отд. 2.
27. Штраух А.Н. Стрелецкий бунт 1682 г. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта: Социально-экономическая серия. 1928. Вып. 1.
28. Щапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века. Казань, 1859.
29. Щапов А.П. Земство и раскол. Ч. 1. СПб., 1862.
30. Щебальский П.К. Правление царевны Софии. М., 1856.

IDEOLOGICAL CONCEPTS OF THE MOSCOW UPRISING OF 1682

The article deals with the ideological concepts of the Moscow uprising of 1682 caused by the complex intertwining of the social interests of boyar groups, Moscow streltsy, and posad residents, their attitude to the «true faith» of the Schismatics. The author examines the question of the formation of the ideology of the Moscow streltsy in the insurrection.

Keywords: Moscow uprising of 1682, social interests, Moscow streltsy, ideology, «True faith», gossip.